ВОСПОМИНАНИЯ Д.Д. ШОСТАКОВИЧА ОБ И.И. СОЛЛЕРТИНСКОМ

11 февраля 1944 года в Новороссийске скончался Иван Иванович Соллертинский. Смерть наступила совершенно неожиданно. Иван Иванович был молод, в расцвете сил и энергии. Скончался он в 41 год.

Соллертинский — это большое и яркое явление. Трудно встретить человека, который был бы столь разнообразно и глубоко осведомлен во всех явлениях жизни. Но самые главные силы свои Соллертинский отдал музыке, ибо любил ее больше всех других искусств.

И.И. Соллертинский и Д.Д. Шостакович. Ленинград, 1928 г.

Я познакомился с ним зимой 1921 года. До знакомства я тоже знал его как самого аккуратного посетителя всех концертов, проходивших тогда в Петрограде. Это был воистину неистовый слушатель. Слушая музыку, он, казалось, испытывал величайшее наслаждение из всех возможных. По окончании концерта он всегда много и интересно делился с друзьями своими впечатлениями. Невольно привлекала внимание его фигура — в ветхом летнем пальтишке, несмотря на суровую зиму, в буденовке, — он страстно убеждал своего собеседника. Мои с ним общие знакомые говорили, что он знает все языки, какие только существуют и существовали на земном шаре, что он изучил все науки, что он знает наизусть всего Шекспира, Пушкина, Гоголя, Аристотеля, Платона, что он знает... — одним словом, он знает все. Невольно у меня сложилось такое о нем впечатление, что с ним трудно и неловко человеку обыкновенному, среднему, и когда в 1921 году один мой друг познакомил меня с Соллертинским, то я поскорее стушевался, так как чувствовал, что мне очень трудно будет вести знакомство со столь необыкновенным человеком.

Следующая наша встреча произошла в 1926 году. Большое число ленинградских студентов пришли сдавать экзамены по марксизму-ленинизму, чтобы, сдавши таковой, получить право стать аспирантами. В числе ожидающих вызова в экзаменационную комиссию был и Соллертинский.

Я сильно волновался перед экзаменом. Экзаменовали по алфавиту. Через некоторое время в комиссию был вызван Соллертинский. И очень скоро он вышел оттуда. Я набрался смелости и спросил его: «Скажите, пожалуйста, очень трудный был экзамен?» Он ответил: «Нет, совсем не трудный». — «А что у Вас спрашивали?» — «Вопросы были самые простые: зарождение материализма в Древней Греции; поэзия Софокла как выразитель материалистических тенденций; английские философы XVII столетия и еще что-то».

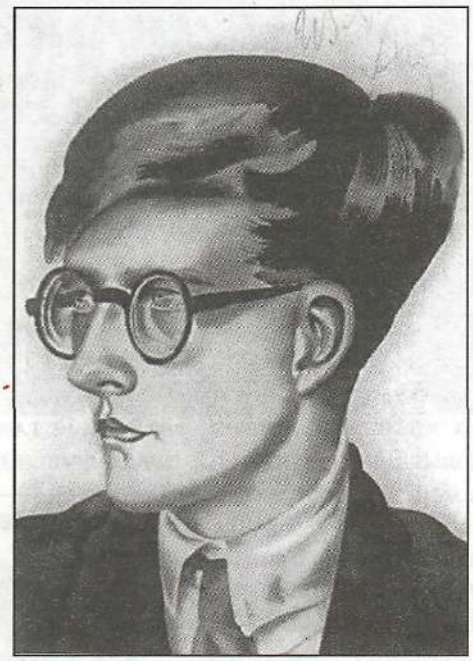
Нужно ли говорить, что своим отчетом об экзамене Иван Иванович нагнал на меня немало страху? И наконец, в 1927 году, я с ним встретился в гостях у одного ленинградского музыканта. Помнится, что это был то ли день рождения, то ли какое-то другое значительное событие в жизни хозяина. Гостей было немного, человека четыре. В их числе Соллертинский и я. Время прошло быстро и незаметно. И тут я был совершенно поражен тем, что И.И. Соллертинский оказался необыкновенно веселым, простым, блестяще-остроумным и совершенно «земным» человеком. И я лишний раз убедился в том, что настоящий большой человек всегда прост, всегда скромен и всегда крепко, уверенно стоит ногами на земле. Гостеприимный хозяин не скоро отпустил гостей, и мы с Иваном Ивановичем шли домой пешком. В Ленинграде мы жили близко друг от друга. Нам было по пути. Долгий путь показался совсем коротким, так как идти было с Иваном Ивановичем легко и незаметно: столь интересно он говорил о самых разнообразных явлениях жизни и искусства. В процессе беседы выяснилось, что я не знаю ни одного иностранного языка, а Иван Иванович не умеет играть на рояле. Таким образом, уже на другой день Иван Иванович дал мне первый урок немецкого языка, а я дал ему урок игры на рояле. Впрочем, эти уроки весьма быстро кончились, и кончились плачевно: я не выучился немецкому языку, а Иван Иванович не выучился игре на

рояле, но зато мы стали с тех пор и до самого конца замечательной жизни Соллертинского большими друзьями.

Иван Иванович любил разные даты. Так, он проектировал отпраздновать зимой 1941 года двадцатилетие нашего знакомства. Это празднование не состоялось, так как война разлучила нас. При последних встречах с ним он проектировал на 1947 год двадцатипятилетний юбилей нашей с ним дружбы. Но в 1947 году лишь я один буду вспоминать о том, что двадцать пять лет тому назад жизнь послала мне замечательного друга и что в 1944 году смерть отняла его от меня.

Смерть И.И. Соллертинского — это тяжелая утрата для музыкального искусства. Немного было людей, так горячо и страстно любящих музыку, как Соллертинский. Он прямо ликовал при появлении свежего и талантливого явления. Он яростно ненавидел пошлость и дурной вкус, рутину и посредственность. Одно из самых великолепных качеств И.И. Соллертинского было полное отсутствие равнодушия. Он всегда или любил, или ненавидел. И с годами и зрелостью у него не пропало это драгоценное качество, а все больше и больше обострялось. Его часто упрекали в пристрастии к тому или иному явлению музыкальной жизни. Мне кажется, эти упреки были правильны. Но неправильно было то, что его упрекали, а не хвалили за пристрастие. Пристрастие — это драгоценное качество всякого художника. Всякий художник должен быть пристрастным. Не следует понимать пристрастие как вкусовщину. При своем большом пристрастии, Соллертинский умел быть по-настоящему объективным. Этому служит доказательством его деятельность в Ленинградской филармонии, где он работал с 1927 года, а с 1939 года до своей кончины был художественным руководителем. Надо прямо сказать, что концертные программы Ленинградской филармонии всегда были чрезвычайно интересны и разнообразны. И то обстоятельство, что Ленинградская филармония является одним из самых передовых коллективов мира, — это огромная заслуга И.И. Соллертинского.

Богата и ярка была музыкальная деятельность И.И. Соллертинского. Вспомним его интереснейшие доклады о симфонизме, о Чайковском, о русской музыкальной культуре, о Малере, о Брамсе и многих других. Необходимо все рукописное наследие Соллертинского, в частности



Портрет Д.Д. Шостаковича работы режиссера Николая Акимова. 1933 г.

стенографические записи его докладов и лекций, собрать и систематизировать.

В последние месяцы своей жизни И.И. Соллертинский мечтал о скором возвращении в Ленинград. Он строил интереснейшие планы концертной работы филармонии в Ленинграде. Он радовался замечательным победам Красной Армии, благодаря которым его мечта начала обрекаться реальностью. Но тут его подстерегла безжалостная смерть, и его мечтам не удалось осуществиться. Нет больше среди нас музыканта огромного таланта, нет больше веселого, чистого, благожелательного товарища, нет у меня больше самого близкого друга.

1944 г.

P. S. Эти заметки были написаны мною вскоре после того, как я получил ужасное известие из Новосибирска о внезапной кончине Ивана Ивановича Соллертинского.

Я не считаю возможным исправлять или дополнять то, что вылилось из-под моего пера в те скорбные и далекие дни 1944 года.

Д. Шостакович,
19 октября 1972 года